

Жемчужины Мудрости

Цикл лекций Элизабет Клэр Профет «Живой огонь любви»

Лекция № 4 от 6 июня 1977 г.

(часть 1)

<...>

Существует огромное количество методов, которые уже были выработаны и которые уже готовы к использованию, чтобы без труда уничтожить группу людей, ставшую серьезной угрозой для падших. Именно поэтому прежде всего требуются преданность и вера, и в нашем служении мы должны служить каждый день так, словно этот день – последний. Мы должны осознать в своем служении, что если мы ежедневно и ежечасно отдаем себя всецело Богу и повинuemся истине (в той степени, в какой Господь дал нам узреть эту истину), то в любой момент, когда настанет время нашего перехода по естественным причинам или в результате внешних обстоятельств, мы будем готовы встретиться со своим Я ЕСМЬ Присутствием, идти дальше и быстро продвигаться по пути вознесения.

Я весьма уверена, что в случае катаклизма или внезапных событий, которые перенесут нас из этой октавы, Кармическое Правление рассмотрит возможность предоставления диспенсации светоносцам и людям, которые прилежно старались, уравновесить остатки своей кармы в обителях и возможность вознесения из этих обителей. Таким образом, если вы уравновесили, скажем, 45 %, оставшиеся 6 % можно будет уравновесить на внутренних уровнях. Я не думаю, что Вознесенные Владыки будут настаивать на том, чтобы преданный чела снова воплотился в разгар этой безумной цивилизации – той самой цивилизации, курс на которую взял сегодняшний мир.

Итак, я думаю, очень важно, чтобы каждый день, в конце этого дня, наша запись гласила, что мы выложились полностью, поскольку может оказаться так, что нас будут судить на основании того, что мы успели сделать именно за этот день. Мы можем оказаться перед Владыками Кармы прежде, чем наступит утро. Несколько лет назад Сен-Жермен дал диктовку, в которой сказал: «Планы по захвату Америки уже составлены и могут быть осуществлены в течение 14 дней». За 14 дней противник <...> может успешно сменить наше правительство и кадры во всех государственных структурах – системах снабжения, на железной дороге, везде.

Воистину, мы живем благодаря вере и любви Бога, и ситуация гораздо более серьезная, чем нам может казаться внешне. Вознесенные Владыки говорили нам, что они давали диктовки на эту тему и не намерены повторяться. Они говорили нам, что ситуация столь же критична, как и десять лет назад. Однако в своих медитациях и в своей работе с Братством я каждый день убеждаюсь в том, насколько критичны наступившие времена и как важно для нас быть подготовленными прежде всего с духовной точки зрения, равно как и с точки зрения материальной.

Я хочу попросить участников всех трех уровней обучения, начиная с сегодняшнего дня, провести вместе со мной 14-дневную новину Великому Божественному Направителю и обратиться к нему с просьбой дать божественное водительство детям Бога в этом движении, дабы мы твердо стояли в том месте, которое уготовил нам Бог. Можно читать веление Божественному Направителю 14 раз, включая личные призывы, а также веления Богу Золота.

Во время перехода нашего возлюбленного Марка был сделан акцент на том, что нам очень важно заботиться о теле как об инструменте, благодаря которому продолжается жизнь на Земле, и что нам нужно осознавать, что наши тела, очищенные, убежденные, исполнившие закон фиолетового пламени, скорее всего, будут идеальными телами для продолжения расы. Однако на сегодняшний день лишь очень немногие индивидуумы, даже в Соединенных Штатах, могут считаться образцами для передачи сознания Вознесенных Владык, сознания Света.

Если сказать по-другому, то есть много здоровых животных. Это животный тип тела, потому что оно питается животными. Вот почему я называю его животным. Человечество, или человеческий вид, который ест мясо не реже одного раза в день, обладает именно таким типом тела и передает этот тип дальше, но это не то тело, которое может служить инструментом для светоносца. Это не тот тип тела, в которое могут сойти высокие души. Это не тот тип тела, который может одержать победу в век перехода, век ускорения атомов и молекул под действием Света, век, в который мы несем бремя токсинов, ядов, радиации и так далее.

Я не хочу излишне драматизировать, но мне все-таки кажется, что мы должны быть начеку, потому что именно благодаря этому мы сможем обрести то, что я называю революционным сознанием. Такое сознание всегда готово к любой внештатной ситуации, оно готово ко всему, и эта готовность прежде всего должна быть сконцентрирована на чистоте и бескорыстии. Таково истинное значение любви и этого 3-месячного курса обучения. И я уверена, что те, кто нарушает закон, идя на поводу у своей человеческой воли и человеческих желаний, не смогут осознать возможность обрести спасение в этот час.

Я не претендую на то, чтобы быть пророком. Я всего лишь доношу до вас то, что Бог через меня передает вам сегодня. Но я вижу письма на стене, и я вижу силы, движущиеся со скоростью 100 миль в час и в определенный момент времени сходящиеся в одной точке. Я не могу вам сказать, в какой именно точке это произойдет, но это схождение неизбежно – схождение сил, которые рассредоточены повсюду в этой стране и в других странах. Это лишь вопрос времени, вопрос времени и пространства.

Как мы уже говорили на днях, нам нужно быть мобильными. Вы должны быть способны покинуть свои жилища, надев пару туристических ботинок и взяв рюкзак с запасами, которые вы сможете унести. Разумеется, запасы вам понадобятся на месяцы и годы, однако если вам придется убежать от какой-то чумы, холостота или бог весть еще чего, вам, возможно, придется перемещаться пешком, поэтому много вы не унесете. Но вам следует задуматься над тем, сможете ли вы немедленно покинуть свой дом и спастись, если загудят сирены и на сборы останется только пять минут. Это было и остается очень важным, но мы не хотели, чтобы на наших конференциях и ретритах царил это постоянное ощущение, что вот-вот загудят сирены, так как стоит об этом напомнить, и люди впадают в панику, забывая о том, что их самое сильное оружие – это учение.

Итак, мы сосредоточились на распространении учения и развитии движения людей, которые познают учение и при этом не теряют бдительности. Мне кажется важным, чтобы у людей было понимание, к чему это учение, зачем вся эта информация, для чего это сознание Бога. Дело в том, что нам все это пригодится. Бог не дает нам того, что нам не нужно. Значит, нам это действительно нужно, и нам необходимо держаться вместе. Нам нужно выстоять вместе. Нам нужно сообща принести сюда новый век. И мы это сделаем при помощи живого огня любви.

Я хотела бы предупредить вас о том, что вам не стоит воспринимать это учение как нечто занимательное, что вы внесете в свои тетради – и на этом все закончится. Я хочу, чтобы вы осознали, что это учение – это комплексный инструмент, своего рода пособие по выживанию, в котором сосредоточено все учение Саммит Университи. Мы сейчас живем не в век, когда вы можете положить эти знания на стол, подобно произведению искусства, и сказать: «Ну что, стоит мне углубляться в это учение или не стоит? Я немного использую его сегодня или, может, даже завтра». Вам абсолютно необходимо преодолеть низшее «я» в этой жизни. Цель Саммит Университи – воспитать революционеров, готовых действовать, революционеров духа, которые выживут тогда, когда не выживет никто другой.

Мы обращаемся ко второй строфе.

О счастье ожога!
О раны той отрада!
О ласковой руки прикосновенье –
Ты к вечности дорога (дословный перевод: **что дает вку-**
сить жизни вечной. – *Ред.*),
И всех долгов уплата,
И смерть, и смерти в жизнь преображенье!

В этой песне душа разъясняет, каким образом три ипостаси Святой Троицы (Отец, Сын и Дух Святой) творят в ней эту божественную работу единения. Так, «рука», «ожог» и «прикосновение» суть одна и та же вещь; а душа дает им эти имена, потому что в них раскрывается действие, которое оказывает каждое из них.

«Ожог» есть Дух Святой, «рука» – Отец, а «прикосновение» – Сын. Душа здесь величит Отца, Сына и Святой Дух, восхваляя три великие милости и блага, которые Отец, Сын и Святой Дух в ней сотворяют, так как они преобразили смерть ее в жизнь, преобразили ее в Самих Себя.

Первая [великая милость] есть рана отрадная, которую душа приписывает Духу Святому, и поэтому она зовётся ожогом. Вторая [великая милость] есть желание жизни вечной, которое душа приписывает Сыну – и потому называет ласковым прикосновением. Третья [великая милость] есть дар, которым сполна искуплена душа, и это она приписывает Отцу – и потому называет ласковой рукой. И хотя имён здесь три по причине особенностей [действий каждого лица Троицы], душа обращается только к одному, говоря [дословный перевод]: «Ты преобразил жизнь в смерть» [в поэтическом переводе: «и смерти в жизнь преображенье»], ибо все три ипостаси работают заодно, и душа приписывает всё это одному, и всё – всем.

Следует строка: «О счастье ожога!»

Как сказал Моисей во Второзаконии, наш Господь Бог есть огонь поядущий, иными словами, огонь любви. Этот огонь, поскольку он обладает беспредельной силой, способен поглотить всецело и, пылая ярчайшим пламенем, преобразовать в себя всё, чего он касается. Однако он поглощает все то, чего касается, в соответствии со степенью подготовленности поглощаемого: одно поглощает больше, а другое меньше, а также насколько хочет, как хочет и когда хочет. И когда Бог, будучи бесконечным огнём любви, хочет коснуться души несколько

сильнее, то жар души возрастает настолько, что кажется ей жарче всех жаров мира.

По этой причине душа называет это прикосновение ожогом, потому как при ожоге огонь более интенсивен и яростен и творит большее действие, нежели в прочих формах горения. И когда сей божественный огонь преобразует душу в себя, она не только ощущает ожог, но вся становится жжением яростного огня.

И есть вещь удивительная и достойная повествования: этот огонь Божий (будучи таким яростным поглотителем, что с великой лёгкостью поглотил бы тысячу миров, как огонь здешний сжигает один стебель льна) не поглощает и не разрушает душу, но скорее, сообразно силе и жару своему, приносит ей радость и обоготворяет её, горит в ней нежнейше благодаря её чистоте. Подобное случилось в Деяниях Апостолов, где сей огонь сошел с великой яростью и опалил учеников, которые, как молвит святой Григорий, внутренне рдели в любви. И это же даёт уразуметь Церковь, когда говорит: «Сошёл огонь с неба, не пополающий, но блистающий; не поглощающий, но просвещающий». Потому что в этих общениях (так как их целью является возвеличить душу) огонь не стесняет душу, не причиняет боль, но расширяет и радуется; поэтому душа называет ожог счастьем.

Итак, счастливая душа, которая по великому везению достигает этого горения, обретает всякое знание, всякое удовольствие, делает все, что хочет сделать и в чём преуспеть, и никто не преобладает над нею, ничто её не трогает. Именно о такой душе молвит Апостол: «...духовный судит обо всем, а о нём судить никто не может. Ибо Дух всё проникает, и глубины Божии».

О, велика слава ваша, души, которые удостоились достичь сего высочайшего огня, который, хотя и обладает беспредельной силой поглотить и уничтожить вас, не поглощает вас, но безмерно совершенствует вас во славе! Не дивитесь тому, что Бог приводит некоторые души на такую высоту, ибо солнце отличается тем, что творит дела чудные, оно, как говорит Дух Святой, втрое сильнее палит горы, то есть святых. И так как сей ожог столь нежен (как здесь мы объяснили), то как же, должно быть, радуется душа, которой коснулся такой огонь? Душа, желая сказать об этом, не говорит, но останавливается с восхищением в сердце и восхвалением на устах, молвя: «О раны той отрада!»

Только тот самый ожог, который эту рану сотворил, лечит её; и тот самый ожог, который лечит, когда лечит, причиняет его; потому что сей ожог отчасти подобен ожогу, причиняемому огнем вещественным, который всякий раз, когда касается раны, усугубляет эту рану, и таким образом претворяет эту рану, сотворенную железом или другим инструментом, в рану, сотворенную огнем. И чем более обжигается сия рана, тем больше она становится, пока вся материя не будет разрушена. Тем не менее божественный ожог любви исцеляет рану, причиненную душе любовью, и чем сильнее душа ранится, тем больше исцеляется. Ибо лечение, кое прилагает любовь, состоит в том, чтобы обжигать и ранить то, что уже обожжено и ранено, вплоть до того, что рана становится столь великой, что вся душа претворяется в одну сплошную рану любви. И так, будучи уже вся обожжена и превратившись в единую рану любви, душа восстанавливает свое совершенное здравие в любви, потому что преобразилась в любовь.

Поэтому в данном случае то, что более изранено, более здорово. А если всё изранено, то всё здорово. Но даже несмотря на то, что душа вся израна и вся здорова, ожог любовью не перестает исполнять своё предназначение, которое состоит в том, чтобы ранить любовью; а поскольку всё уже изранено и всё здорово, эффект, который этот ожог производит, есть услаждение раны, как обычно делает доброе лекарство, потому что верно говорит здесь душа: «О раны той отрада!»

Стало быть, рана настолько более отрадная, насколько более высок и возвышен огонь любви, который её причиняет, потому что Дух Святой сотворил рану исключительно с целью усладить ее, а поскольку велико желание Его к услаждению души, велика будет и сия рана, дабы велико было и услаждение!

О, рана отрадная, сотворенная Тем, Кто не умеет иного, кроме как исцелять! О, благоприятная и многосчастливая рана, ибо сотворена только для улады и радости души! Велика ты, о рана, ибо велик Тот, кто сотворил тебя, и велика твоя улада, ибо беспределен огонь любви к тому, чтобы усладить тебя сообразно твоей способности и величию. О, отрадная рана! Настолько более ты возвышенна и отрадна, насколько более касается ожог субстанции глубочайшего центра души, опалая всё то, что может быть опалено, дабы усладить всё то, что может быть услаждено! Сдается мне, что этот ожог и эта рана бы-

вают на самой высокой ступени, которая только может быть в сём состоянии. Потому что есть множество других способов, чтобы обжигать душу, но они ни достигают сказанного, ни суть ему подобны, потому что речь идет о прикосновении Бога к душе, без какой-либо умпостигаемой или воображаемой формы или образа.

Сколько из вас прошли через сильную боль, благодаря которой вы обрели более глубокое Богосознание? Кто из вас испытывал глубокую внутреннюю душевную боль, связанную, быть может, с какой-нибудь формой человеческой привязанности? Разве в большинстве случаев речь не идет о человеческой привязанности?

Причина этого состояния кроется в том, что мы обожествляем тех, кого мы любим. Мы любим Бога в них, и мне кажется, что мы начинаем испытывать боль, когда переходим черту и начинаем любить их больше, чем Бога. Поэтому Бог вынужден давать нам боль и рану, чтобы мы побежали к Нему со всех ног. Мы устремляемся в его объятия, потому что слишком привязались к форме и приписали этой форме божественные качества. И поэтому Бог забирает у нас эти привязанности, эти отношения, и боль от этого очень сильна.

Но как только мы устремляемся к Богу, он дает нам другого Утешителя, который пребывает с нами вечно. Он показывает нам, что Его утешение непреходяще – в отличие от утешения человеческого. Я думаю, что единственный путь удержать наших любимых – это постоянно помнить о том, что Бог – это все и что Бог – это наша первая и единственная любовь. Наш любимый может быть для нас не более чем оконным стеклом, через которое будет светить любовь Бога. Как только возлюбленный перестает быть этим стеклом, мы должны покончить со своей привязанностью к этому стеклу и направиться напрямик к Богу.

Разумеется, все это чудесно, но, когда привязанность становится слишком сильной, нам трудно разглядеть, что мы позволили этому стеклу помутнеть и замараться и что сейчас любим эту запачканную часть стекла вместо его способности быть призмой для Бога. Разумеется, есть и другие способы, как Бог заставляет нас почувствовать сильнейшую боль, но эта сильнейшая боль словно необходима, чтобы подтолкнуть нас к Богу с просьбой о большей любви, которая, в свою очередь, принесет нам еще больше боли.

Нам нужна одна боль, чтобы попросить о следующей, и Господь видит нас насквозь, но, выбирая между болями, нам следовало бы выбрать боль, которая, как мы знаем, принесет нам полное единение с Богом, отдав ей предпочтение перед той болью, которая в итоге принесет нам

окончательное отделение от Бога. Однако без этой – другой – боли мы не торопимся к Богу так, как нам следовало бы, потому что мы воспринимаем Его как данность, особенно когда у нас есть поддержка, утешение и дружба наших близких. Этой поддержки и утешения нам достаточно, чтобы удовлетворять свои повседневные нужды (по крайней мере, нам так кажется), но при этом мы воспринимаем жизнь через призму человеческих привязанностей.

Итак, если Бог действительно хочет, чтобы мы выбрали Его, Он вынужден придумать способ, как отвести нас от попыток обрести утешение в преходящих состояниях, – и Он его придумывает. Мне все же кажется, что та боль, о которой мы говорим, – это лишь начальный этап той боли, о которой говорит Хуан. Он рассказывает о более продвинутом посвящении, когда все это уже осталось позади и человек устремляется в самую глубину своего существа, проходя очень высокое посвящение Святым Духом.

На мой взгляд, он вряд ли думает, что нам нужно пройти через боль отрешения от мирских вещей. Он уже отделился от них и говорит о встрече со Святым Духом, которая причиняет боль, возможно, из-за того, что еще не все очищено и требуется определенная трансмутация. Мне кажется, что на этой стадии святому Хуану не трудно отделиться от любимых им людей. Он все это давно преодолел. Он уже переживает звездный час на своем пути.

Однако есть и другой весьма возвышенный способ обжигания души: случается, что душа, будучи воспламенённой в этой любви (хотя и не так полно, как в случае, о котором мы говорили, но достаточно для того, о чём здесь хочу сказать), чувствует, что её словно атакует некий серафим с дротиком.

Подумать только! В сноске говорится: «То же самое слово использовала Святая Тереза, описывая трансверберацию сердца», хотя «на картинах, как правило, изображается серафим с длинным копьем». Как вы знаете, Тереза и Хуан были очень близкими друзьями.

Серафим, вооруженный дротиком неистово пламенеющей любви, пронзает тот разожженный уголек души, точнее говоря, то пламя души, и обожжет его возвышенным образом; и, пронзенное и обожжённое, пламя души вспыхивает и разгорается яростно до крайности, как в разожжённой печи или кузнечном горне, когда шевелят или опрокидывают угли и разъяряют пламя; и тогда рана души ощущается ею как крайне сладостная. Ибо душа не только сильно разворожена от того, что порывистыми движениями растревожили ее пламя (где жар и пыл любви велики), но чувствует в субстанции духа (равно как и в сердце того, чья душа была пронзена

таким образом) глубоко успокаивающее воздействие, которое на ноющую рану оказывает целебная трава, привнесенная дротиком.

Кто сможет говорить подобающим образом об этом горчичном зерне, которое, кажется, остается в середине сердца духа – центре раны – и в котором ощущается предельное наслаждение? Ибо чувствует душа там как бы зерно горчичное, весьма малое, в высшей степени пламенное и невиданно сильное, которое посылает вокруг себя живой и воспламеняющий огонь и добродетель центра раны. Оттуда субстанция и добродетель целебной травы тонко внедряется во все духовные и субстанциальные жилы души соответственно её потенциальным возможностям и силе жара. И душа чувствует, как любовь её возрастает и усиливается до такой степени, что кажется ей, будто в ней заключены целые моря огня, которые достигают самого верха и самого низа мироздания, заливая всё любовью.

Немногое можно сказать о том, чему радуется здесь душа, кроме того, что она чувствует, [насколько] хорошо сравнивается в Евангелии Царство Небесное с зерном горчичным, которое – столь малое – из-за великого своего жара вырастает в дерево великое; ибо видит душа, что стала она подобной безмерному огню любви, а средоточие добродетели ее пребывает в сердце духа.

Немногие души достигают подобного; но некоторые достигли, – главным образом такие, чьи добродетель и дух передались сынам их, ибо одаривает Бог богатством и доблестью первенцев духа сообразно праву наследования потомками начатков Духа.

Вернемся, однако, к той работе, которую творит помянутый серафим. На самом деле его задача – наносить удар и ранить. Итак, ежели иной раз позволяет Бог перенести наружу (на телесные чувства) те же воздействия, что ранят внутри, то выходят раны и язвы наружу, как случилось, когда серафим ранил святого Франциска; и вышло действие ран этих на тело, ранив его так, как была ранена любовью его душа. Ибо Бог, обыкновенно, никакой милости не вторит телу, если прежде и вначале не оказал её душе; и тогда, чем больше радость и сила любви, которая причиняет рану внутри, тем сильнее боль раны вовне; и, при возрастании одной боли, растёт и другая.

Такое случается оттого, что коль скоро эти души очищены и укреплены в Боге, всё, что от Бога, приносит радость и усладу их сильному и здоровому духу; их слабой и брэнной плоти это,

напротив, причиняет скорбь и страдания. Итак, чудная это вещь – ощущать возрастание боли одновременно с радостью. Чудо сие хорошо заметил Иов в ранах своих, когда говорил Богу: «Оборотись ко мне, чудесно мучаешь меня». Ибо это великое чудо и вещь достойная изобильной улады (которую уготовил Бог боящимся Его) – испытывать настолько большую радость и уладу, насколько больше скорби и мучения ощущает душа.

О, неизмеримое величие во всех вещах, подтверждающее все-силлие Твое! Кто, как не Ты, Господи, способен принести уладу в разгар скорби и радость в мучениях? О, как отраднa та рана; воистину, чем глубже Твоя рана, тем более велика радость, которую Ты причиняешь! Однако когда рана пребывает единственно в душе и не обнаруживается вовне, она может быть более интенсивной и более возвышенной; потому что, как плоть взнудывает дух (когда блага духовные сообщаются также и ей), она натягивает поводья и сдерживает губы того лёгкого жеребца духа и гасит его мощный напор, потому что плоть брeнная отягощает душу, и земные привычки угнетают чувство духовное, когда оно задумывается о многих вещах. Посему тот, кто опирается во многом на чувства телесные, не станет слишком духовным.

Говорю это тем, кто думает, что они придут к силам и высоте духа, опираясь лишь на силу и действие чувства, которое само по себе низко. Не достигнут они сил и высот духа, если не отринут чувство телесное. Другое, однако, дело, когда от духа происходят действия духовные в чувстве, потому что если так случается, то скорее от многого духа; как у Святого Павла, у которого от великого сострадания, которое имел к скорбям Христовым, чувство перелилось в тело, о чем он говорит в Послании к Галатам, где молвит: «Я ношу язвы Господа Иисуса на теле моём». Об ожоге и ране сказано довольно. Но какова должна быть рука, которая причиняет сей ожог? И каково её прикосновение? Душа описывает это в следующей строке, более восхваляющей, чем проясняющей это, говоря: «О ласковой руки прикосновенье».

О, рука, столь великодушна ты, сколь могущественна и богата, щедро и владычественно ты осыпаешь меня своими дарами! О, ласковая рука, столь мягкая для моей души, что касаешься, снисходя, нежно, а когда ложишься всей тяжестью, то рушится весь мир, ибо от единого твоего взгляда сотрясается земля, гибнут народы и крошатся горы! Ещё раз скажу: о, ласковая рука, сколь твердой и суровой была ты для Иова, касаясь его жестко, для ме-

ня же ты столь строгая и при этом нежная; сколь ты была для него суровой, столь дружелюбно, изящно и нежно касаешься ты души моей, потому что ты причиняешь смерть и даешь жизнь и нет уклонившегося от руки твоей. Но ты, о божественная жизнь, никогда не убиваешь иначе как для того, чтобы даровать жизнь, так же как никогда не ранишь, кроме как для исцеления.

Ранила меня, чтобы исцелить, о божественная длань, и убила во мне то, что было смертного, кроме жизни Бога, в коей теперь вижу себя живым. И творила это в свободе своей обычной милости, которую употребила в отношении меня в прикосновении своём, коснувшись меня сиянием своей славы и образом своей ипостаси, который есть твой Сын Единородный; ибо в нём мудрость твоя, через чистоту его простираешься ты в нём могущественно от одного конца до другого.

О, стало быть, ты – ласковое прикосновение, ты – Слово, Сын Божий, который благодаря тонкости своего Божественного бытия едва уловимо пронизывает субстанцию моей души и, касаясь её нежно, вбирает её в себя всю божественно нежными путями, никогда не слыханными в земле Ханаанской, не виданными в Фемане. О, ласковое прикосновение Слова, для меня настолько более ласковое, насколько, переворачивая горы и расщепляя скалы на горе Хорив тенью твоей мощи и силы, которая шла впереди, Ты давал более нежно и обильно ощутить Тебя пророку в веянии тихого ветра! О, ветер тихий! Сколь мягко и нежно твое дуновение! Как же касаешься ты мягко и деликатно, хотя знают тебя таким ужасным и могущественным? О, благословенна, дважды благословенна душа, коей касаешься ласково и нежно, хотя знают тебя таким ужасным и могущественным! Скажи сие миру; но нет, не говори, не знает он веяния тихого ветра и не воспримет Тебя, ибо не в силах ни принять Тебя, ни узреть.

О, Бог мой и жизнь моя! Те, кого Ты очищаешь, познают и узрят Тебя, когда Ты коснешься их, ибо чистота отвечает чистоте. Ты касаешься их более утонченно, потому что Ты скрыт в субстанции их души, которая украшена и стала утонченной, а также потому, что они удалились от всего тварного и от всех следов тварного; и Ты скрываешь их в тайном убежище своего присутствия, которое суть Божественный Сын, и прячешь их от смятения человеков. О, ещё раз и многожды ласковое прикосновение, настолько же более ласковое, насколько более сильно и могуче; столь много ласковое, потому что силою Твоей ласки растворяешь и отделяешь душу ото

всех прочих прикосновений вещей тварных, и делаешь её только Твоей собственной; и такое тонкое действие и след оставляешь в ней, что всякое иное прикосновение всех вещей высоких и низких кажется ей грубым и не подлинным, и она оскорбляется уже одним видом их, и для неё суть боль и тяжкая мука обращаться с ними и касаться их!

Чем более просторна и вместительна вещь, тем более тонка она в себе, и чем более распространена и сообщительна, тем более утончённая. О, прикосновение ласковое, тем полнее вливаешься ты в мою душу, чем ты более утонченно; и сосуд моей души, благодаря этому твоему прикосновению, становится более простым, чистым, тонким и вместительным! О прикосновение ласковое – столь ласковое, что, когда оно не ощущается, тем больше ты касаешься души; и, проникая глубже в душу, ты касанием своим делаешь ее более Божественной, ибо твое Божественное Бытие, которым ты касаешься души, чуждо всякому виду и способу и свободно от всякой внешней формы и образа. О, наконец твое ласковое, несказанно ласковое прикосновение, касающееся души не иначе как твоим самым чистым и простым Бытием, которое бесконечно и посему бесконечно тонко, а потому это прикосновение «дает вкусить жизни вечной» [в стихотворном варианте – «ты к вечности дорога»].

Хотя и не в совершенной степени, душа, как сказано выше, познает вкус жизни вечной, который вкушается в этом прикосновении Божьем. И не является невероятным, что так и есть (если мы верим, как должно верить, что это касание есть касание субстанции Бога субстанции души, чего многие святые достигли в сей жизни). Посему тонкость услады, которая ощущается в этом прикосновении, невозможно описать; ни я желаю распространяться об этом, чтобы не создалось мнения, будто это суть не более того, что говорится, так как нет слов для изъяснения вещей Божьих столь возвышенных, которые проходят через эти души; надлежащий способ говорить о них тому, кто познал их, – внутренне понимать их, чувствовать их, радоваться им и молчать о них.

Потому что замечает душа здесь, что эти вещи определённым образом подобны камню белому, о котором молвит святой Иоанн и который даруется побеждающему; а на камне – написано имя, которого никто не знает, но лишь тот, кто получает. Итак, достоверно можно сказать об этом только то, что душа чувствует вкус жизни вечной. Ибо, хотя в жизни сей мы не имеем жизнь вечную в

полной мере, как во Славе, тем не менее это касание, будучи касанием Божиим, дает немного вкусить жизни вечной. И таким образом душа в этом состоянии вкушает здесь ото всех вещей Божиих, сообщающих ей крепость, мудрость и любовь, красоту, милосердие и доброту и т. д.; ибо поскольку Бог суть все эти вещи, душа вкушает их при одном прикосновении Божьем; и радуется душа Богу соответственно своим способностям и субстанции.

И от сего блага, которое приходит к душе, какая-то часть временами переливается в тело благодаря единению с Духом Святым, радуя всю субстанцию чувственную, все члены тела и самый костный мозг, причем радуя не так щадяще, как это обычно бывает, но с чувством великой радости и славы, которая ощущается вплоть до последних сочленений рук и ног. Чувствует тело эту славу в славе души, которая своим способом величит Бога; и ощущает тело, что в самих его костях пребывает Бог, подобно тому, как молвит Давид: «Все кости мои скажут: Боже, кто подобен Тебе?» И поскольку всё то, что возможно сказать об этом, не сравнится с истиной, то довольно сказать как о телесном, так и о духовном переживании, что это «дает вкусить жизни вечной» [в стихотворном переводе – «ты к вечности дорога»].

«И всех долгов уплата!»

Здесь надлежит разъяснить, каковы бывают эти долги, которые душа чувствует сейчас оплаченными. Следует заметить, что никакая душа не может прийти к сему высокому царству, если не пройдет прежде через множество скорбей и тягот; потому что в Царство Небесное входят через многие скорби, которые уже пройдены в этом состоянии, ибо отныне и впредь душа не претерпевает их. Дабы войти в это состояние единения с Богом, необходимо претерпеть многие тяготы и искушения части чувственной, а также тяготы, скорби, искушения, помрачения и утеснения части духовной; потому что таким образом очищаются обе части, как мы говорили, объясняя четвертую строку первой строфы.

А причина, по которой необходимы эти тяжелые испытания, кроется в том, что радость и познание Бога не могут быть привнесены в душу, если чувство и дух должным образом не очищены, не укреплены и не утончены. Итак, поскольку тяготы и покаяние очищают и укрепляют душу, а скорби, искушения, помрачения и утеснения укрепляют и готовят дух, всё это ведет душу пройти через них, дабы преобразиться в Боге, как проходят через это умершие, оказавшись в Чистилище, которое в одних действует более сильно,

а в других менее сильно, в одних более длительно, в других менее длительно, сообразно степени союза, до которой Бог хочет их поднять, и согласно тому, что имеется в них подлежащего очищению.

С помощью этих тягот, в которые Бог помещает душу и чувства, душа приобретает добродетели, силу и совершенство со вкусом горьким, потому что добродетель совершенствуется в немощи и выковывается в страданиях; ибо железо не может быть послушным уму ремесленника, если он не использует огонь и молот, которые повреждают железо (если сравнивать его с его прошлым состоянием). Соответственно, об этом вразумлении Господнем говорил Иеремия, молвя: «Вошёл огонь в кости мои и научил меня». И о молоте также говорит Иеремия: «Наказывал меня, Господь, и так научил и вразумил». Отчего и говорит Проповедник: «Тот, кто не испытан, что может знать? и тот, кто не попробовал, немногие вещи узнал».

Я надеюсь, вы обратили внимание на слово «проповедник». Есть только один человек, которого называли Проповедником: это Экклезиаст.

И здесь надобно нам отметить причину, по которой так мало тех, кто достиг столь высокого состояния. Следует знать, что не оттого сие, что Бог хочет только немногих поднять до этого высокого духовного состояния (напротив, Он скорее хочет чтобы все стали совершенными), но оттого, что мало находит таких сосудов, которые вытерпели бы столь высокую и возвышенную работу. Ибо Он испытал их на меньшем – и нашёл их слабыми, так что они тут же убегают от работы, не желая подвергаться и малому отчаянию и умерщвлению, не готовые упорно трудиться. Счёл Он, что они недостаточно сильны, чтобы нести милость начального обтёсывания, и не пошёл далее в очищении и возвышении их от праха земного, для чего необходимы большие постоянство и крепость, нежели они явили.

Сколько раз мы убегали от какого-либо умерщвления или очищения, таких как пост или другие тяготы, которые нам надлежало было пройти! Всегда находилась какая-нибудь отговорка. Она всегда под рукой. То и дело открывался путь, как обойти эту боль стороной; и когда мы так поступаем, мы лишаем себя продвижения по духовному пути, которое возможно под действием сильнейшего огня любви. Если бы мы четче видели цель, мы бы проходили шаг за шагом через небольшие порции очищения, но, к сожалению, мы зачастую говорим самим себе: «Стоит мне только захотеть, я пройду через это, но сейчас мне не хочется. Я лучше займусь чем-нибудь другим. Я сделаю это в другой раз». И мы

выбираем путь полегче, вместо того чтобы с терпением и решимостью выковать победу в том начинании, которое оказалось у нашего порога.

Тем, кто желает продвинуться вперед, однако не может перенести и малейших тягот и отдаться им на волю, можно ответить из Иеремии, который говорит: «Ежели идти с пешими ты утрудился, как сможешь идти в ногу с конными? И коли в земле мирной имеешь отдохновение, что будешь делать в ярости Иордана?» Это как если бы сказал: «Если в обычных трудах, которые обыкновенно донимают всех живущих, сделав лишь один короткий шаг, ты ощущаешь такую тяготу, что тебе кажется, будто ты бежишь, как сможешь уравнивать свой шаг со всадником, – то есть как оставишь ты эти обычные человеческие тяготы и перейдешь к другим, более суровым и стремительным? И если ты не восхотел воспротивиться миру и удовольствию твоей земли, которая есть твоя чувственность, не желая ни ополчиться на неё, ни противоречить ей ни в чём, что будешь делать ты в ярости Иордана? Другими словами, как устоишь ты в бурных водах более внутренних скорбей и трудов духовных?»

О души, которые хотят ходить безопасно и удобно! Если бы знали вы, сколько надобно вам претерпеть страданий, чтобы войти в вышеупомянутое возвышенное состояние, и сколь полезно страдание и умерщвление, дабы обрести названные возвышенные благословения. Вы бы тогда не искали утешения ни в Боге, ни в тварях, но скорее несли бы крест, испили бы, повиснув на нём, чистой желчи и укуса и обрели бы в том великое счастье, видя, как, умерев для мира и самих себя, оживёте для Бога и для духовных радостей и, ежели, страдая с терпением и верностью в малом и внешнем, удостоитесь, чтобы обратил Бог очи свои на вас – ради очищения и исправления более внутреннего посредством неких трудов духовных, больше внутренних. Если бы вы только знали, сколь важно преобразиться и проявить постоянство, дабы достичь сего возвышенного состояния, и сколь много блага с собой несет преображение и умерщвление, дабы обрести эти возвышенные благословения.

Мы мгновенно ощущаем, как мы входим в спираль всевозможных страданий – болезни, потери близких, поста, аскезы, чего-то неприятного. Если в тот момент, когда мы видим, как наши энергии входят в спираль скорби, расстройства, раздражения, тревоги, сквернословия и чего-либо еще, мы примем решение не вовлекаться в эти энергии и начнем воздавать громкие призывы к фиолетовому пламени, то мы обнаружим, что

трансмутуруем не только боль страдания, но и причину этого страдания, которая, согласно учению Будды, заключается в желании.

Будда говорит, что все наши страдания обусловлены нашими желаниями. Если бы у нас не было желаний, то не было бы и страданий. Такова основа его четырех благородных истин. А сейчас я подхожу к очень важному моменту, так как, понимаете ли, именно вы принимаете решение, куда направить энергии своего существа: либо вы проходите через трудный путь страданий – боль, расстройство, доходите до крайней точки и, наконец, решаете призвать фиолетовое пламя, либо вы сразу же призываете фиолетовое пламя, как только к вам приходят невзгоды.

Вместо того чтобы проходить через длинный путь бесконечных обсуждений, оставьте это, обрежьте поток энергии, и пусть страдание станет трансмутацией. В итоге вы бесспорно и безошибочно обнаружите, что вы устраните элемент желания, который причинил вам страдания. Речь может идти о чувственных привычках, потребности в курении, выпивке, марихуане, конфетах, мясе и т. д. Итак, как только вас охватывает желание, от которого вам следует отказаться, а отказываясь от него, вы начинаете испытывать страдания, вам нужно тут же начать читать веления. Призовите фиолетовое пламя, которое трансмутирует это желание. Именно таким образом вы продвигаетесь по пути, и именно таким образом вы работаете с людьми, у которых есть проблемы. Они говорят: «Я просто не могу решить свою проблему. Мне это не под силу. Это для меня слишком, и выхода я не вижу, поэтому мне придется с этим жить». Именно так люди поддаются желанию.

Что ж, вы можете испугаться того, что фиолетовое пламя оставит вас без желаний, ведь кем же вы будете без своих желаний? Вы себя не узнаете! Вы более не станете делать старых добрых вещей, как прежде, потому что у вас более не будет желания их делать. Поэтому люди, которые любили заниматься этими вещами вместе с вами, будут очень обеспокоены, так как вы станете другим человеком. И вся ваша жизнь перевернется. У вас сменятся друзья. Вы больше не захотите играть по субботам в покер! И вы найдете другую компанию, с которой будете проводить субботние вечера, – и начнете ходить на службы Сен-Жермена.

Да, немного страшновато, когда дело доходит до глубочайших желаний нашего существа и когда мы перестаем хотеть тех или иных вещей. Довольно скоро вы почувствуете, словно вы взмываете над землей на воздушном шаре и было отрезано столько канатов, привязывающих вас к земле, что вы буквально выстреливаете вверх и говорите: «Где я? Разве меня больше ничто не привязывает к земле? Что меня теперь с ней связывает?»

Это довольно пугающее ощущение – я хочу, чтобы вы это знали, – искать что-то, за что можно было бы зацепиться и что при этом не явля-

ется желанием. То, что не базируется на желании, это долг, или дхарма. Дхарма – это причина не отступать. Дхарма – это повод быть вовлеченным, участливым, активным, твердо стоять за или против тех или иных вещей. Наш долг – защищать маленьких детей, чтобы их не использовали в порнографии. Наш долг – защищать наши образовательные системы. Например, одна женщина, Анита Брайант, борется в округе Майами-Дейд против закона, запрещающего дискриминацию гомосексуалистов. Гомосексуалисты хотят работать в школах, но она возражает: «Нет, мы не можем позволить, чтобы наших детей воспитывали открытые гомосексуалисты. Это противоречит законам Бога». И она развернула широкую кампанию, хотя другие говорят: «Ну у людей же есть право на свободу самовыражения!»

Когда мы таким образом радеем за какое-то дело, это наша дхарма. Наш долг заключается в том, чтобы не быть равнодушными. Если нас одолевает самодовольство, то нам, возможно, придется развить в себе некоторую отзывчивость. Загореться чем-то. Начать говорить об этом и предпринять какие-то действия, например как в случае абортов. Аборты – это очень важная причина, по которой нужно оставаться на Земле. Когда больше нет желаний, единственное, что остается, – это дхарма. Это причина гораздо более высокого порядка, и она позволяет вам нести более глобальное служение – служение Будды, служение Космического Христа.

Видите ли, в противном случае наши действия основываются на желании. Мы работаем, чтобы накопить денег и купить машину, потому что мы хотим эту машину, так как она представляет собой символ эго, символ сексуальности и т. д. Конечно, во многих случаях речь идет о бытовой необходимости, но вся экономика, ежедневный быт, через который проходят люди, основана на желании быть замеченным противоположным полом, обрести богатство, положение, влияние и т. д. – желание на желании движет жизнь вперед.

Итак, когда вы решите освободиться от одного из этих желаний и станете читать веления фиолетового пламени, а потом от еще одного желания и еще, вы сможете вернуться к этим записям через пять лет, свериться, насколько точно вы следовали инструкции, а затем связаться со мной и рассказать мне о пяти главных желаниях, от которых вы избавились. После этого вы можете рассказать мне о дхармических проектах, в которых вы задействованы и на которые тратите все свои энергии любви.

Я была свидетельницей того, как это происходило в моей собственной жизни, когда мое желание расширить организацию перестало быть желанием и стало не более чем дхармой, долгом. Я не желаю этого, но говорю, что мой долг – расширить организацию, потому что я должна спасти детей Бога. Однако в этом нет амбициозного желания сделать все

то, что мы делаем. Есть долг – сделать это из абсолютной любви к Богу в человечестве. Это требует огромного сдвига в сознании, так как мы были с детства ориентированы на желания: будь хорошей девочкой – и я дам тебе печенье или конфету либо свожу тебя куда-нибудь. К сожалению, нам указывают на те действия, которых от нас требуют, основываясь на выполнении наших желаний.

На мой взгляд, самая поразительная вещь во всем этом, что, предаваясь нашим сильным желаниям, мы становимся заложниками идеи о том, что в настоящее время никак не сможем их преодолеть. Но если при этом мы, сталкиваясь с тестом и искушением, захотим молиться дено и нощно, делать призывы, поститься и читать новины, спустя две недели мы окажемся по другую сторону и поймем, что Бог в нас оказался больше того искушения и что причина, следствие, запись и память могут быть поглощены, и мы будем готовы к служению на гораздо более высоком плане.

Однако если вы пойдете по пути исполнения желаний, вы можете годами наматывать круги, то и дело сталкиваясь с определенной ситуацией, в которой вам будет казаться, словно вы попали в ловушку. На самом деле вы верите, что вы слишком слабы, чтобы с этим справиться, и поэтому вам придется уступить дорогу этим славным ребятам из Саммит Университи, у которых все получится!

Ученик: Мать, ведет ли избавление от желаний к избавлению от эмоций?

Мать: У Бога есть чувства. У Бога есть тело желаний, и именно поэтому он даровал нам тело желаний. И желание Бога, всё, чем он наполнил Свое тело желаний, – это желание быть Богом. У нас есть право испытывать это чувство во всей его полноте. Но у нас также есть право трансмутировать многочисленные желания, которые в нас насадил Враг, прокравшись ночью и засеяв плевелы среди пшеницы нашего тела желаний. Враг посеял в нас желание смерти, желание саморазрушения, желание уничтожить Бога в нашем существе. Оно посеяно в нашем подсознании, и мы реализуем его в очень разрушительных отношениях.

У нас могут быть абсолютно разрушительные отношения, потому что мы таким образом реализуем подсознательное желание саморазрушения. По этой причине мы притягиваем людей, которые нас разрушают, и мы не в силах с ними расстаться, потому что мы не расстались с этим желанием. По мере продвижения по пути для вас очень важно очистить тело желаний. Отсутствие желаний заключается в наличии всего одного желания – желания быть Богом. И это желание берет на себя удовлетворение каждой потребности жизни и исполнение всех требований на пути посвящений, ведущем к вознесению.

Когда вы перестаете желать быть Богом, вы перестаете быть. Энергия в движении (*energy in motion*) реализуется как эмоция (*e-motion*), но эта эмоция должна быть гармоничной. Когда энергия в движении реализуется как Богогармония, она завоевывает весь космос. Это неукротимая сила. Она подобна волне, радиоволне, какой угодно волне. Ничто не преграждает ей путь, потому что она – сама гармония. Она пронизывает все. Когда вы посылаете в мир такую энергию – эмоцию, – это Бог, желающий быть Богом.

Подобным же образом поступает Бог с теми, кого хочет наделить основным преимуществом, так что испытывает их и позволяет искушать на пределе возможного, чтобы обожествить их насколько можно.

Здесь Хуан, пребывая в лоне церкви, пишет, что Бог желает обожествить человека, а это может означать только то, что Бог желает сделать человека Богом. Мне непонятно, как ему это сошло с рук. Я действительно не понимаю. Обожествить – значит сделать Богом, другого определения у этого слова нет. А именно это католическая церковь считает сатанизмом – обожествление. Итак, энергия, дух и пламя святого Хуана де ла Крус сделали его благоприятным для церкви. Однако мистицизм святых, к сожалению, не раскрывается в учениях, которые ежедневно звучат на мессах. И если вы, будучи христианином, будучи католиком, не тянетесь жадно к знаниям, вы можете так и не узнать об этом учении.

Разумеется, для того чтобы изучить эту книгу, необходимо много дисциплины, самодисциплины. Противодействие к ее прочтению очень велико. Помню, как-то раз я летела на самолете, познакомилась там с одним католиком и рассказала ему многое о церкви и святых, а он ничего из этого не знал. И потом он в шутку сказал: «Ну надо же, вы даже не католичка, а о католической вере знаете больше меня». И я думаю, что мне известно больше, чем большой процент католиков знает о своей собственной вере, а это говорит о том, что от степени желания стать Богом зависит, насколько глубоко человек погрузится в изучение учений.

Это означает привести их к союзу с Божественной мудростью, что есть высочайшее состояние, и очистить их сперва этой мудростью, которая, как молвит Давид, есть серебро, испытанное огнём, проверенное землёй, то есть нашей плотью, и очищенное семикратно, что есть наибольшее очищение из возможного. И не станем для этого задерживаться долее здесь, говоря о том, как эти семь очищений ведут к этому божественному союзу, который здесь подобен серебру, и каким бы высоким он ни был, ему не сравниться со золотом.

Надобно душе пребывать в великом терпении и постоянстве во всех скорбях и тяготах, которые посылает ей Бог снаружи и изнутри, духовных и телесных, больших и малых, беря всё, как с Его руки, для своего блага и исцеления, и не убегая их, ибо эти скорби и тяготы целительны для души. Таков совет Мудреца, который молвит: «Ежели дух имеющего власть возгорится на тебя, не покидай своего места» (то есть места и положения твоего исцеления, которое в той тяготе, что посылается тебе), потому что выздоровление прекращает великие грехи; то есть отрезает корни твоих грехов и несовершенств, которые суть дурные привычки, потому что борьба с тяготами, утеснениями и искушениями гасит дурные и несовершенные привычки души. Посему мы должны высоко ценить посылаемые нам Господом тяготы внутренние, разумея, что немного таких, кто удостоивается быть снедаемым страстями, претерпевая до конца, где через страдания достигает столь высокого состояния.

Стало быть, осознала здесь душа, что все тяготы обернулись благом для неё, ибо уже как тьма, так и свет, и что как была она участницей скорбей, так теперь участница утешений.

Марк любил цитировать Книгу Откровения, чтобы пояснить, что имеется в виду в стихе: «Нечистый пусть еще сквернится». Это означает, что когда душа совершает переход, она сохраняет себя такой, какой была до него. Если она чиста, она будет чиста и по ту сторону жизни, если она нечиста, она останется нечистой. Итак, душа проходит через скорби, проживая свои грехи и утешения на пути к награде за преодоление этих состояний.

(продолжение следует)